

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА И ФОРМА ОБУЧЕНИЯ ПОЛЕВОЙ РАБОТЕ

Виталий Куренной

Виталий Куренной – профессор, руководитель Школы культурологии НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: ул. Старая Басманная, 21/4, офис 426, Москва, 105066, Россия. kurennoj@yandex.ru.

1. Расскажите, как и когда возникла идея проведения выездных полевых исследований? В какие места и как надолго Вы выезжали? В каких условиях приходилось жить? С какими практическими сложностями сталкиваться (на этапе подготовки/реализации проекта)?

Когда отделение, а теперь Школа культурологии НИУ ВШЭ организовывалась, эта идея присутствовала изначально. Она вступила в фазу реализации, когда наши студенты «подросли», то есть подошли к старшим курсам бакалавриата. Соответственно, первая полевая летняя школа прошла у нас в 2011 году. Однако до этого существовали другие формы, в частности, поездки в рамках клуба «Улисс». Первая летняя школа в Торжке прошла, собственно, по следам предшествующей ей поездки этого клуба. Также мы тесно взаимодействовали с летней школой «Русского репортера», с Григорием Тарасевичем ездили выбирать место локации в Максатихинском районе (Тверская область), где эта школа затем проводилась несколько лет. По срокам у нас с ней не очень получилось интегрироваться, но наши студенты там также регулярно бывают.

Летняя школа культурологов выезжает на срок 10–12 дней. Несколько лет подряд мы проводили ее в Торжке, в прошлом году были в Сатке (Челябинская область), в этом году едем в Дубну.

Существует также форма экспедиции, которую мы проводим на автомобилях. Это позволяет обеспечить совсем иной – по охвату и свободе доступа – тип экспедиционной мобильности. Вообще я долго могу говорить об автомобиле как совершенно новом, революционном способе доступа к пространству: ни один исследователь в предшествующие эпохи не имел такого инструмента, технологии позволяют иначе сконфигурировать ваши возможности эмпирического доступа к пространству. Культурно-антропологическая экспедиция «Культурный фронт» проводится уже четвертый год. География здесь совсем иная, чем на летних школах: в этом году мы едем в Калмыкию и Дагестан, включая еще ряд

регионов. В прошлом году мы были в Грузии, Армении и Нагорном Карабахе, в позапрошлом – проехали по значительной части бывшего СССР – от устья Дуная до Бреста, не уверен, что такой маршрут можно будет повторить в ближайшее время. Первоначально экспедиция существовала в рамках самоорганизации, сейчас нас немного поддерживает университет.

Есть также другие формы экспедиционных поездок, которые, конечно, не позволяют говорить о реализации полноценных исследований, но в целом это важный элемент знакомства с культурным ландшафтом – как в России, так и за рубежом. Наши преподаватели реализуют интереснейшие культурно-исторические поездки по самым разным городам, в Стамбул, кажется, уже дважды ездили. Сам жалею, что не успеваю присоединиться. Помимо упомянутого клуба «Улисс», идея которого заключалась изначально в антитуристическом способе знакомства с определенным пространством, есть также, например, такой интересный проект, как клуб «Итака», когда кто-то из студентов готовит и организует поездку на свою малую родину. Так я в прошлом году познакомился с Вяткой, были в Гороховце и многих других городах. С экскурсией в традиционном смысле слова это не имеет ничего общего, ребята часто сами для себя заново открывают свой город.

Условия бывают самые разные – от палатки или ночевки в спортзале местной школы до коттеджной базы люксового типа – зависит от характера поездки и партнеров. Если говорить о летних школах, то мы стараемся размещаться непосредственно в городе (в целом фокус у нас здесь на малых городах), как правило, это инфраструктура какого-то учреждения, например, техникума, который летом пустует и сдается для проживания такого рода групп.

О трудностях можно говорить бесконечно – они весьма разнообразны и все дело в деталях разного уровня. Ограничусь только замечанием, что в этом году у нас сложности с мероприятиями вообще и из-за значительной административной реформы в университете, которая всегда оборачивается неразберихой, и из-за общих секвестирований бюджета.

2. Как формировалась и эволюционировала тематика Ваших полевых исследований? Связана ли она в большей степени со спецификой изучаемого региона, с интересами и теоретическими предпочтениями участников или с другими обстоятельствами?

Задача любого рода полевой работы в нашей сфере, на мой взгляд, – нахождение доступа и обеспечение контакта с изучаемой реальностью. Поэтому территориальная специфика предмета – это то, что должно в конечном счете возобладать над привезенными схемами. Если говорить о летних школах, то рамочная тематика остается неизменной – это социокультурная морфология малого города, его акторы, практики и институты. Пояснения здесь требует каждое понятие. Например, выбор объекта – малого города – обусловлен тем, что нас интересует, прежде всего, все же городская культура, но в обозримой, соразмерной нашим ограниченным исследовательским ресурсам форме. Морфология – потому что речь идет о первоначальной аналитически-дескриптивной задаче, аналитическом выделении из

запутанной социальной ткани значимых элементов и их связей. Однако если говорить о конкретных сегментах – тут все очень разнообразно.

В целом наши летние школы устроены матричным образом. Есть сквозные темы, которые углубляются из года в год и в разных локациях, есть отдельные, точечные проекты с широкой вариативностью, реализуемые, как правило, приглашенными тьюторами. В некоторых случаях школа становится серьезным исследовательским и экспертным инструментом развития территории. Так, например, было в прошлом году в Сатке, где несколько групп сконцентрированно работали по темам, очерченным стратегией социокультурного развития района, которая была подготовлена Лабораторией исследований культуры ВШЭ за некоторое время до этого. В таких случаях локальный фокус исследований становится особенно выраженным, тогда как образовательные цели освоения новых методик с помощью приглашенных тьюторов уходят на второй план.

3. Какие задачи в первую очередь решает экспедиция? Как в ней соотносятся исследовательские и образовательные цели? Какую роль экспедиции должны играть в образовательном процессе в целом?

Основная задача летней школы или экспедиции – контакт с реальностью. Не буду комментировать ситуацию с другими дисциплинами, но для исследований культуры это – критический вопрос в России. В силу исторических причин интеллектуальные усилия в области исследований культуры у нас были сконцентрированы не в сфере актуального опыта и эмпирической реальности как таковой, а в сфере текстов. Эта инерция сохраняется даже в том случае, если на место текстов приходят экраны, создавая видимость актуальной модернизации исследовательских подходов. Если «поворот к культуре» в тех же британских *cultural studies* был связан с выходом теории «на улицу», то у нас этого, по большому счету, не произошло. В итоге теория, концептуальные схемы, сформулированные в других контекстах, в другой реальности, просто транслируются в сфере образования, это в каком-то смысле больше похоже на средневековую систему знания, чем на современную. Если они там и остаются – в форме интеллектуального ритуала или чисто академической практики (это вполне возможно) – это еще ничего, но вот при столкновении с реальностью они порождают непонимание, часто приобретающее негативную форму отторжения. Возникает своего рода образовательный и научный эскапизм, когда под видом исследований или критики осуществляется побег в альтернативную реальность. Чтобы решить эту проблему, нет иного выхода, кроме возврата к разным формам эмпирической работы, к исследовательской практике первичного описания, первичного различения, морфологической разметке, позволяющей вообще выяснить, как понятия, усвоенные в теории, соотносятся с реальностью. Если этого не делать, возникают, мягко говоря, комичные эффекты. Приведу один в качестве примера. Однажды мы приехали в один российский провинциальный город с группой социологов, которые вроде бы имели значительный эмпирический опыт. В гайде, который был составлен для опроса местных жителей в некоторых районах, был в том числе вопрос «Кого вы можете отнести к элите Вашего города?». Представляете себе изумление местных старушек по поводу та-

кой постановки вопроса? Иными словами, для меня полевая работа – это современная форма реализации старого феноменологического девиза «Назад к самим вещам!».

Соотношение образовательной и исследовательской функции в экспедициях – это очень просто. Баланс здесь был найден уже Вильгельмом фон Гумбольдтом, высказавшем идею об исследовательском университете, где образование реализуется в форме исследования. На практике, конечно, имеет место широкий спектр. Одно дело, когда на школу приезжает, например, Дмитрий Рогозин, который с коллегами осуществляет масштабное обследование на данной территории, и ребята просто включаются в эту работу. То же самое в долгосрочных проектах, когда, например, Руслан Хестанов идет на базар и – имея многолетний бэкграунд – руководит здесь интервьюированием исследовательской группы, конкретизируя локальные детали. Другое дело, когда к нам краткосрочно приезжают тьюторы и, по сути, проводят тренинг по освоению определенной методики, например, фиксации «звукового ландшафта» – это в чистом виде образовательное упражнение.

4. Охарактеризуйте методику проводимых полевых работ и особенности координации таких проектов в качестве руководителя экспедиции. Удастся ли реализовать коллективный дизайн исследования или более продуктивной является стратегия координации индивидуальных/групповых мини-исследований, объединенных единством места и времени?

На летних школах у нас реализуется, как я уже упомянул, своеобразная матричная система: есть долгосрочные, сквозные проекты, которые пересекаются отдельными методологическими интервенциями приглашенных тьюторов. Например, приезжает Ольга Эдельман, и у нас образуется новое измерение города, которое называется «архив». С этим архивом можно как-то работать, например, связать его с предметом сквозного исследования «базар». В автомобильной экспедиции проекты, с одной стороны, строго индивидуализированы, это индивидуальные кейсы, – что связано с конкурсной процедурой заявок и пр. С другой – это очень интенсивное взаимодействие между проектами, потому что пока вы в дороге, у вас есть автомобиль, а это такое очень концентрированное семинарское пространство, где одну тему можно, не выходя из него (а куда денешься?!), обсуждать часами.

Эта матричная система варьируется – мы стараемся разнообразить тьюторов, никакой жесткости здесь нет. Иногда неожиданно и весело получается. Например, приезжает Илья Калинин и предлагает тему «психогеография». В итоге ребята где-то там психогеографически бродят и приводят в качестве слушателей целую группу местной молодежи. Те начинают регулярно приходить на лекции тьюторов и доклады групп. В других случаях школа может быть организована очень жестко и со взрослыми задачами: исследовательские группы со своими руководителями, которые разрабатывают строго определенные темы. Так, например, в Сатке у нас был ряд таких групп, например, группа Марии Румянцевой, которая занималась дополнительным и внеурочным образованием школьников.

Никаких особых сложностей в координации я не ощущаю, и это достигается, видимо, за счет простого правила: приглашать в качестве тьюторов и руководителей групп людей, которые попросту являются нормальными исследователями. А таким в любом случае интересно то, что делают другие: они сами готовы делиться своими результатами, подключаться к другим группам, дискутировать и пр.

5. Что дал опыт выездных полевых исследований лично Вам? Насколько Вы удовлетворены результатами? Какие коррективы в работу Вы, возможно, хотели бы внести в будущем?

Каждая летняя школа, экспедиция, поездка для меня лично – это большое и интересное событие. Результатов столько, что единственная проблема – это успевать их обрабатывать и обнародовать. Основная проблема состоит в том, что исследовательские сюжеты часто затягиваются: мы же не классические антропологи, которые могли месяцами и даже годами не выезжать с одного места. Например, я много лет веду сюжет по одному из наших провинциальных музеев, приезжаю, интервьюирую, когда выдается возможность. Некоторые сюжеты, напротив, заставляют расширять географию. Так, в течение этого года мы делаем проект по распределенному образу жизни – гаражи, сараи, дачи и пр. Изначально в фокусе был один город, но пришлось расширить географию, чтобы почувствовать, очертить границу явления.

В целом нам не хватает длительного поля – это основная проблема. Здесь и вопросы финансирования, и связь с университетским расписанием и много других ограничений. Просто нет институтов, которые бы обеспечивали этот исследовательский интерес к реальному положению дел в нашем обществе. Но это отдельный сюжет для разговора.

THE SOCIOLOGICAL EXPEDITION AS RESEARCH PRACTICE AND A FORM OF HANDS-ON FIELDWORK TRAINING

Vitaly Kurennoj

Vitaly Kurennoj is Professor and Dean of the School of Cultural Studies at the National Research University–Higher School of Economics. Address for correspondence: ul. Staraja Basmannaia, 21/4, office 426, Moscow, 105066, Russia. kurennoj@yandex.ru.